

ТАМАРА НИКОНОВА

ЖИВА ЛИ КЛАССИКА СЕГОДНЯ?

Этот вопрос естественно возникает в год, когда Россия, русская культура отмечают 150 лет со дня рождения первого русского лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Алексеевича Бунина. Истинный классик русской литературы XX века, он уже в дореволюционные годы получил признание современников именно в этом качестве. Две Пушкинские премии (1903, 1909), избрание почётным академиком по разряду изящной словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1909) красноречиво о том свидетельствуют. Позже, в 1933 году, Шведская королевская академия в итоговой формулировке подтвердила, что «Нобелевская премия по литературе... присуждается Ивану Бунину за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». Редкое для писателя бурного XX века качество – сохранить вкус, сдержанность, достоинство писателя-классика, оставаясь при этом писателем остросовременным, пронизанным идеями и болями своего времени! 150-летний юбилей И. А. Бунина заставляет по-новому оценить эту особенность его творческого почерка, его мировосприятия, его размышлений о человеке.

Как известно, И. А. Бунин родился в Воронеже. И, несмотря на то, что Воронеж не занял большого места в биографии писателя, именно здесь, в разрушенном войной городе, где линия фронта проходила по центральной улице, чудом сохранился дом, в котором родился классик русской литературы XX века. Дотошные историки и биографы отметили те потери, которые понесли и дом, и усадьба в целом, однако именно его уверенно опознал Н. И. Ласкаржевский (1903–1990), сын сестры Ивана Алексеевича, посетивший наш город в год бунинского столетия. Еще одним чудом следует считать высокую сохран-

ность документов по истории рода Буниных в Государственном архиве Воронежской области, скрупулезно проанализированных воронежским прозаиком Ю. Д. Гончаровым в исследовании «Предки Бунина» еще в конце 1960-х годов.

Однако можно и упрекнуть родной город И. А. Бунина в том, что системное изучение его наследия, его «воронежских корней» началось позже, чем в других «бунинских» центрах, например в Орле или Ельце. Однако для такого «запаздывания» основания были, и далеко не литературного свойства.

Академическая слава и уважение современников, полученные И. А. Буниным в предреволюционные годы, пришли в жесткое противоречие с теми испытаниями, которые пережила расколота революцией и Гражданской войной русская культура. И как истинный классик Иван Бунин преодолел и это противостояние. Я бы сказала, что потаенное, но достаточно последовательное, вопреки идеологическому ожесточению, возвращение бунинских текстов началось с первых послевоенных лет. Исследование Ю. Д. Гончарова, явившееся результатом его многолетних разысканий, – свидетельство растущего не только его личного интереса к биографии и личности И. Бунина. К 1970 году, к столетнему юбилею писателя, уже сформировался устойчивый интерес читателей, научной общественности к нашему культурному прошлому, к русской традиции. И писатель-фронтвик Ю. Д. Гончаров проявил такой глубокий интерес к бунинской биографии, что разыскал Николая Иосифовича Ласкаржевского, связался с ним, выслал ему фотопанораму проспекта Революции (бывшей Большой Дворянской), на которой тот уверенно опознал «бунинский» дом, когда-то указанный ему матерью как место рождения ее и брата Ивана.

Иван Алексеевич Бунин

Современный интерес к истории русской культуры, к «забытым» страницам литературы XX века приобрел новые особенности. В последние десятилетия в отечественном литературоведении появилось весьма популярное и широко распространенное понятие регионального текста («петербургский текст», «пермский», «крымский», «орловский» и др.). С их помощью описывается «культурная местнография», сегодня рассматриваемая как составная часть единого культурного пространства своей эпохи. Я уже писала о «воронежском» тексте русской культуры XX века, в том числе и обозначала меняющиеся центральные события и фигуры, вокруг которых заново модифицируется, пересматривается общий культурный ландшафт тех или иных десятилетий. Продолжая эту мысль, отмечу, что «собирающим» центром «воронежского текста» 1970-х годов стали И. А. Бунин и его творчество. В те далекие годы, объявив студентам спецкурс «Творчество И. А. Бунина», я начала вместе с ними изучение бунинского наследия, продолжающееся воронежскими исследователями и по сей день.

Говоря о 150-летнем юбилее писателя в Воронеже, я не случайно вспомнила вузовские занятия, в деталях, как правило, не затрагивающих биографических обстоятельств, краеведческих разысканий, современных препирательств о подлинности адресов семьи Буниных в Воронеже. Университетские исследователи, изучая творчество первого русского нобелевского лауреата по литературе, следуют иным принципам. Нас интересует Иван Бунин как творец неповторимой художественной реальности, как со-

здатель собственной метафизики. Мы изучаем наследие не только Бунина-писателя, но Бунина-мыслителя, философа. В биографии И. Бунина большое место занимают Елец, Орел, Москва, где проходила реальная жизнь писателя, где важны адреса его проживания, люди, с которыми он общался, все, имеющее отношение к материальной, событийной жизни великого человека.

Такими фактами в бунинской биографии Воронеж похвастать не может. Сам И. А. Бунин вспомнил в январе 1907 года, когда уже известным писателем он приехал в город, будучи приглашенным для участия в вечере в пользу воронежского землячества. Этот эпизод сам писатель весьма поэтично воспроизвел в позднем блестящем рассказе «Натали» (1941): «Я... приехал в Воронеж. Поезд пришёл весь белый, дымящийся снегом от вьюги, по дороге со станции в город, пока извозчичы сани несли меня в дворянскую гостиницу, едва видны были мелькавшие сквозь вьюгу огни фонарей. Но после деревни эта городская вьюга и городские огни возбуждали, сулили близкое удовольствие войти в тёплый, слишком даже тёплый номер старой губернской гостиницы, спросить самовар и начать переодеваться, готовиться к долгой бальной ночи...».

С характерным перенесением биографического материала в создаваемую писателем художественную реальность мы столкнемся у Бунина не однажды, особенно в эмигрантские годы. Эта особенность бунинских поздних текстов стала важной методологической подсказкой, аналитическим приемом: пережитый писателем личный опыт преобразуется в

Открытие мемориальной доски И. А. Бунину в Воронеже, на доме, где родился писатель. 22 октября 1990 года

текст, становится частью сотворенного, не бытового мира. Именно такую внутреннюю задачу и ставят перед собой воронежские исследователи, стремясь раскрыть тайну преобразования «жизненного материала» в художественный, увидеть момент перехода от конкретного, биографического, факта к творимой художником реальности, уникальной, неповторимой уже по одному тому, что она творится на глазах читателя и с его участием. Пример с рассказом «Натали» особенно выразителен, ибо продемонстрирован самим Буниным. Реальный факт приезда в Воронеж в рассказе преобразен в поэтичную, сказочную картину, в центре которой «белый, дымящийся снегом от вьюги» поезд, «близкое удовольствие» от уютного номера «старой губернской гостиницы», ожидание «долгой бальной ночи...».

Так естественно, из самого материала исследования, формируется важная интеллектуальная задача, стоящая перед исследователем, суть которой – в постижении мысли художника, его представления о мире и человеке. В центре такого исследования не желание доставить читателю эстетическое наслаждение (оно остается, ибо любой художественный текст ставит перед собой такую сверхзадачу!), но способы воссоздания пластичной картины мира, исследование тайны художественных образов, мышления творца. Разумеется, я говорю об универсальной задаче, которая стоит не только перед исследователем бунинских текстов, но в случае с И. Буниным она является задачей, осознанной самим художником.

О взаимной обусловленности художественно-образного и рождаемого им смысла писали многие.

«Философ говорит силлогизмами (суждениями), – пишет В. Г. Белинский, – поэт образами и картинками, а говорят они оба одно и то же. <...> Только содержание может быть истинным мерилем всякого поэта – и гениального и просто даровитого... чтобы стих был поэтический, не только мало гладкости и звучности, но недостаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляет истинное содержание всякой поэзии».

Особенную актуальность в этом плане приобретает искусство переходных эпох. В 1920-е годы А. К. Воронский в книге с программным названием «Искусство видеть мир» писал о подобном назначении искусства:

«Увидеть мир, прекрасный сам по себе, так, чтобы чувствовать “природы жаркие объятия”, мир во всей его свежести и непосредственности, увидеть небо, как увидел его однажды Болконский, – очень трудно <...> обыденная жизнь большинства людей далеко не всегда богата этими контрастами. И даже тогда, когда нарушается ее обычное, нормальное течение, новые открытия мира не легко даются человеку. <...> Неподдельное, подлинное искусство иногда сознательно, а еще чаще бессознательно, всегда стремилось к тому, чтобы восстановить, найти, открыть эти образы мира. В этом – главный смысл искусства и его назначение».

Разумеется, главной задачи искусства никто не отменял, и чем крупнее, чем значительнее художник, тем глубже и поэтичнее та картина мира, которую он предлагает читателю. Художественный образ апеллирует не только к логике и разуму, но захватыва-

ет читателя своей пластикой, эмоциональностью, узнаваемостью переживания, как это произошло в бунинском фрагменте из рассказа «Натали».

Университетское изучение бунинского творчества в Воронеже имеет свою историю. О ней рассказывает О. А. Бердникова в статье «О Воронежской школе буниноведения», опубликованной в сборнике «Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность» (Воронеж, 2019). Статья информативна и содержательна, к ней я и отсылаю всех интересующихся проблемами изучения творчества И. Бунина. Для меня же дополнительная значимость статьи в том, что она обозначает глубинные связи «культурной местнографии» с магистральными задачами культуры и науки.

По справедливому замечанию О. А. Бердниковой, воронежские исследователи включились в непростой научный диалог об особенностях бунинского мировосприятия, в котором «наблюдалось своеобразное столкновение разных методологий, вызванное постперестроечными процессами». С одной стороны, указывает она, все еще давали о себе знать сложившиеся советские подходы, а с другой – активно формировались вполне экзотические концепции, отвечавшие логике пересмотра и отрицания того, что казалось устаревшим и даже реакционным. В частности, О. А. Бердникова обращается для примера к монографии Ю. Мальцева (1994), выдвинувшего ряд броских тезисов – о модернистской природе бунинского творчества и даже «аполитизме, аморализме и универсализме его мировоззрения». Вместе с тем, замечает она далее, «достаточно активно заявляла о себе тенденция, заметная в ряде исследований российских ученых, – обустроить писателя по “ведомству” буддизма».

Таким образом, состояние буниноведения на рубеже столетий определило направление собственно университетских исследований – преимущественное внимание к проблемам мировидения писателя, особенностям его эстетического поиска.

Первая международная научная конференция «И. А. Бунин и русская культура XIX–XX веков» была проведена в Воронеже в 1995 году, в год 125-летия со дня рождения писателя. Результатом стал ее сборник научных статей, названный словами проникательного бунинского исследователя Ф. Степуна «Царственная свобода» (1995). Сборник во многих отношениях стал показательным, если не программным для нас. Уже в нем был обозначен широкий спектр исследований, заложены принципы изучения бунинских контактов-отталкиваний с современниками, с отечественной традицией,

с модернистскими поисками, с современностью. Обоснованность таких исследовательских перспектив доказали последующие университетские сборники рубежа XX–XXI столетий уже самими названиями – «И. А. Бунин: диалог с миром» (1999), «И. А. Бунин в диалоге эпох» (2002), «И. А. Бунин в начале XXI века» (2005). Содержательную результативность воронежских выступлений можно подтвердить тем, что в антологию «И. А. Бунин. Pro et Contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей» (С.-Петербург, 2001) вошли статьи Е. Г. Муценко и Т. А. Никоновой.

С 2000 года на филологическом факультете ВГУ была опробована новая форма коллективного научного поиска – Бунинская Творческая мастерская. По замыслу организаторов, предметом обсуждения каждой мастерской должен становиться отдельный бунинский текст, который предлагается рассмотреть под углом зрения одной проблемы. Для мастерской 2000 года была выбрана книга «Освобождение Толстого» – малоисследованное бунинское сочинение, до сих пор вызывающее массу вопросов, начиная с определения жанра и заканчивая авторским ответом на вполне «толстовский» вопрос «Что есть искусство?».

Успешность такой формы коллективного исследования очевидна. Материалы первой Бунинской мастерской были опубликованы, и с 2000 года каждую осень, как правило, в октябре или ноябре, мы проводим Творческие мастерские. В год 150-летия со дня рождения И. А. Бунина будет проведена уже двадцатая мастерская, правда, вписанная в этот раз в программу международной конференции «Творческое наследие И. А. Бунина: контексты понимания на рубеже веков».

Планомерная работа по изучению бунинского наследия не могла не потребовать укрупнения и генерализации проблематики исследований. Вот почему в 2005 году на международной научной конференции в ВГУ была начата разработка метафизических основ бунинского творчества. Возникновение нового исследовательского аспекта базировалось на результатах Бунинских мастерских. Накопленный во время их работы материал с этого времени объединяется в сборниках с серийным названием «Метафизика Ивана Бунина». На сегодняшний день опубликовано уже 4 сборника – в 2008, 2011, 2014, 2018 годах. «Бунинские» статьи находят свое законное место в сборниках еще одного кафедрального проекта – «Воронежский текст» русской культуры» (2013, 2015).

Системная научно-исследовательская работа и активные публикации университетских буниноведов определили формы нашего участия в праздновании бунинского 150-летия в Воронеже. Мы встречаем его продолжающимися многолетними проектами. Как я уже отметила, 12–14 ноября 2020 года филологический факультет ВГУ, кафедра русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук проводит международную научную конференцию «Творческое наследие И. А. Бунина: контексты понимания на рубеже веков». Формулировка главной темы, проблематика, вынесенная на обсуждение научного сообщества, формы работы в рамках конференции свидетельствуют о сложившейся традиции, поддержанной буниноведами разных вузов и стран.

Воронежская школа бунинских исследователей прирастает за счет студентов, участвующих в студенческих конференциях, образовательных мероприятиях, проводимых на факультете (интеллектуальная игра старшеклассников на знание бунинского творчества «Благосклонное участие», студенческий конкурс рецензий на фильмы и спектакли по произведениям писателя и пр.). Однако помимо просветительской работы, цель которой – популяризация творчества нашего великого земляка, на кафедре ведется планомерная научная работа, в том числе и с аспирантами. Так, на рубеже XX–XXI веков на кафедре защищены кандидатские диссертации по творчеству И. А. Бунина Т. И. Скрипниковой, Ю. С. Поповой, И. А. Малишевским, А. И. Смоленцевым (научный руководитель – профессор О. А. Бердникова), М. Ю. Фиш, О. Н. Фенчуком (научный руководитель – профессор В. М. Акаткин). В последние годы значительно окрепли кафедральные связи с Бунинской группой Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, с Домом русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва), с которыми мы обмениваемся научными визитами, принимаем участие в совместных проектах. В юбилейный год воронежские исследователи примут участие в международной научной конференции «Иван Бунин: контексты судьбы – история творчества» (ИМЛИ РАН, 20–23 октября 2020 года), московские ученые приедут в ВГУ для участия в международной конференции.

Памятник И. А. Бунину в Воронеже
(скульптор А. Н. Бурганов)

Следует сказать еще об одной акции. Юбилейный год журнал «Подъем» намерен отметить рубрикой «Неизвестный Бунин», которую составят статьи воронежских исследователей, в целом охватывающие тот круг проблем, которые разрабатываются в последние три десятилетия. Это должен быть заинтересованный разговор с читателем о том Бунине, который, не утрачивая привычного статуса классика, остается частью живой, многогранной жизни нашего современника. И на примере грядущего бунинского юбилея на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, возможен лишь один ответ: классика не только жива, но на новых основаниях, по-новому включается в жизнь современной культуры и литературы.